

**Рансьер читает Шиллера: новые отношения с классическими текстами
эстетики**

Перцева Алина Андреевна

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: alina.pertseva@gmail.com

Бывший марксист, французский философ Жак Рансьер, теоретик равенства, стремящийся, главным образом, осмыслить эмансипацию рабочих, в определенный момент своего творчества поворачивается к эстетике. Причем, в конце XX века он активно обращается именно к эстетической классике: «Критике способности суждения» Канта, «Письмам об эстетическом воспитании человека» Шиллера, «Эстетике» Гегеля и др. В своей первой книге, посвященной Луи Альтюссеру, Рансьер начинает с урока марксистско-ленинской ортодоксии своему учителю. Дает ли Рансьер нам урок эстетической ортодоксии? Как и зачем Рансьер, в первую очередь, политический философ, сегодня так внимательно читает классику эстетики?

Во-первых, речь идет о непосредственном обращении к идеям. Казалось бы, тема эмансипации рабочих и классическая эстетика имеют мало общего. Но на самом деле, эстетика - не случайный элемент в его системе. Как ни странно, именно обращение к эстетике позволяет Рансьеру сделать эмансипацию тематизируемой. Новая концепция власти, разработанная Фуко, и получившая широкое распространение, хотя и высоко эвристична, но делает практически невозможной мысль о сопротивлении ей. Все происходит так, как будто изощренная форма неокантианства Фуко возвращает и старый непреодолимый разрыв между теоретическим и практическим разумом (у Фуко возможность сопротивления мыслится практически исключительно в терминах этики). Несложно вспомнить, что промежуточным звеном между двумя мирами у Канта становится как раз способность суждения.

Если в первый период своего творчества, когда Рансьер порывает с интеллектуализмом Альтюссера, он направляет свои усилия в основном на демонстрацию особой формы разумности в действиях рабочих, борющихся за свои права - разумности, которую он противопоставляет научности теоретиков марксизма (показательна в этом отношении его работа «Невежественный наставник», в которой он анализирует на основе педагогического опыта Жозефа Жакото эмансипирующую силу разума равно доступную всем). То во второй период речь уже идет не столько о равенстве в разуме, сколько о равенстве, которое устанавливается между разумом и чувственностью. Ориентиром в этом отношении для него является другая педагогика - «Письма об эстетическом воспитании человека» Шиллера.

Эстетика как особая форма чувственности, которая заставляет отказаться и от теоретических, и от моральных суждений, уравнивающая активность и бездеятельность, жизнь и форму, является для Шиллера необходимым переходным этапом от «естественного состояния» к новому политическому состоянию сообщества. Рансьер же видит в свободной игре способностей их уравнивание, которое приводит далее к равенству двух «природ» человека - природы чувственной и природы разумной и уничтожает в результате соответствующую иерархию между людьми, то есть между классами. Эстетический опыт становится эмансипирующим в той мере, в которой он отказывается от «иерархий», навязываемых повседневным опытом.

Во-вторых, речь идет о понятии *a priori* в его фуколдианской интерпретации: Кант, Гегель, Шиллер, Шеллинг, Шлегели для Рансьера не столько «изобрели» эстетику, сколько разработали «режим видимости», в котором подобные формы опыта стали мыслимыми. Тексты анализируются в этом случае с точки зрения условий возможности эстетического режима искусства: Рансьер читает классиков эстетики так же как, например, Фуко читает Боппа или братьев Гримм в «Словах и Вещах». С той разницей, что у Рансьера на месте эпистем Фуко проявляются «режимы чувственности». То есть в центре его внимания при таком подходе оказываются тектонические сдвиги в дискурсе об искусстве, тогда как от «содержания» концепций приходится абстрагироваться: чтобы увидеть холст картины, надо забыть об изображении.

Внимательно читая Шиллера, Рансьер высвечивает ключевой парадокс, лежащий в основе эстетического определения искусства как особого модуса опыта (в противовес определению искусства как способа «делания» в репрезентативном режиме). Этим парадоксом является, по Рансьеру, напряжение между одновременной автономией и гетерономией искусства: «*art is art to the extent that it is something else than art*». [1] Ключевые эстетические разбирательства XX века ему удается свести к этому изначальному парадоксу.

В-третьих, в отношении его эстетических рассуждений, можно зацепиться за ярлык, которым Рансьер обозначает момент завязывания отношений между эстетикой и политикой («Письма об эстетическом воспитании человека») - он называет его «первичной сценой эстетики» [2]. Присоединив к этому введенное им понятие «эстетического бессознательно», которое рождается вместе с «эстетической революцией», и означает интерес искусства к незначительным «молчаливым» деталям, можно (с определенной натяжкой) говорить о своеобразной форме психоанализа, интересующейся соотношением мысли и немыслия, знания и поэзии. В этом случае показательным является особое внимание Рансьера к примерам, которые используют авторы (в случае Шеллинга - статуя Юноны Людовизи).

[1] Rancière J. « The aesthetic revolution and its outcomes », p. 137.

[2] См. например Rancière J. The Aesthetic Revolution and its Outcomes // New Left Review n° 14.- mars-avril 2002. p. 137 (« the original scene of aesthetics »).

Источники и литература

- 1) Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. – СПб.; Москва: Machina, 2004.
- 2) Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. – СПб.: Machina, 2013.
- 3) Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч. в 6 т. Т.6. М., 1957.
- 4) Rancière J. Aisthesis. Scènes du régime représentatif de l'art. – Paris: Galilée, 2011.
- 5) Rancière J. La chair des mots. Politiques de l'écriture. – Paris: Galilée, 1998.
- 6) Rancière J. La parole muette. Essai sur les contradictions de la littérature. – Paris: Hachette, 1998.
- 7) Rancière J. Le partage du sensible. - Paris: La Fabrique, 2000.
- 8) Rancière J. Le philosophe et ses pauvres. – Paris: Fayard, 1983.
- 9) Rancière J. Les noms de l'histoire. Essai de poétique du savoir. -Paris: Le seuil, 1992.
- 10) Rancière J. Malaise dans l'esthétique. – Paris: Galilée, 2004.
- 11) Rancière J. Politique de la littérature. – Paris: Galilée, 2007.
- 12) Rancière J. Schiller et la promesse esthétique // Europe n°900.- 2004.- p. 6-21.

- 13) Rancière J. The Aesthetic Revolution and its Outcomes// New Left Review n° 14.- mars-avril 2002. - p. 133-151.